

МИЛОРАДОВИЧ ГОРАН
доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник
Институт современной истории

Югославская политическая эмиграция в Советском союзе в 1948–1956 гг.

Аннотация: Статья освещает феномен югославской политической эмиграции в Советском союзе в период конфликта, разгоревшегося в 1948 г. в связи с Информбюро. Эта тема не изучена в должной мере, так как Югославия и СССР после урегулирования двусторонних отношений не были заинтересованы в том, чтобы выносить ее на суд общественности. Югославских эмигрантов в СССР было, как минимум, 628. В основном, военнослужащих, в большинстве своем, - сербов и черногорцев по национальности. Имелось и небольшое количество бывших дипломатов, партийных и государственных функционеров. В основном это были весьма молодые люди. Имелись и несовершеннолетние – «суворовцы». Большинство политических эмигрантов в СССР так и не вернулось в Югославию.

Ключевые слова: политические эмигранты, советско-югославские связи, резолюция Информбюро, коммунистическая идеология, национализм

К значимым темам из истории социалистической Югославии, которые до сих пор не изучены должным образом, относится и феномен югославской политической эмиграции¹. Она сформировалась во время конфликта 1948 г. между, с одной стороны, Югославией и, с другой, СССР и прочими странами народной демократии, вызвав раскол и в самой Коммунистической партии Югославии (КПЮ).

---

1 Статья написана в рамках работы по проекту «Сербское общество в югославском государстве в XX в.: между демократией и диктатурой (Српско друштво у југословенској држави у 20. веку: Између демократије и диктатуре (177016)», который финансируется за счет средств Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.

Некоторые ее члены, не согласившись с новым политическим курсом, эмигрировали в социалистические государства Европы, откуда стали обличать режим Йосипа Броза Тито. В Югославии вследствие той специфической позиции, которую она занимала в период холодной войны, об эмигрантах, оказавшихся на Востоке, писали гораздо меньше, чем о тех, кто уехал на Запад. В основном все сводилось к статьям уничижительного и дискредитирующего характера в местной прессе. В 1980-е гг. тема получила освещение в публицистике, а также посредством публикации документов. И только в 90-е гг. ее стали разрабатывать с претензией на научность, но только в контексте более широкой проблематики². Биографии эмигрантов и их мемуары представляют собой настоящую редкость³.

Неизученность темы отчасти объясняется тем, что был затруднен и находился под жестким контролем обмен информацией между Советским союзом и Югославией. Кроме того, процесс «нормализации отношений» между СССР и Югославией, начавшийся с приезда советской государственно-партийной делегации в Белград в 1955 г., привел к роспуску Коминформа в апреле 1956 г. и закрытию газеты «За прочный мир, за народную демократию» - главного печатного органа просоветских югославских эмигрантов⁴. Занимавшая аналогичную позицию радиостанция «Свободная Югославия» перестала вещать в 1954 г.⁵ В такой политической обстановке судь-

2 *Dedijer V.* Jedno svedočenje o Informbirou s one strane // Novi prilozi za biografiju Josipa Broza Tita (1945–1955). III tom. Beograd, 1984. S. 503–506; *Marković D.* Istina o Golom otoku. Beograd, 1987. S. 47–73; *Banac I.* Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslavenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990. S. 210–228; *Luburić R.* Pomirenje Jugoslavije i SSSR 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999. S. 69–80, 275–303; Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953 гг. Очерки истории / Отв. редактор А.Ф. Носкова. М., 2002; *Mitrović M.* Sudbina jednoga ibeovca // Dijalog povjesničara/istoričara. 2003. № 7. S. 327–336; *Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima. Beograd, 2009.

3 *Попивода П.* Партизаны (Документальная повесть). М., 2003; Из Югославии в СССР, или Непридуманные истории из жизни одного поколения / Сост. Г. И. Бутурович и др. СПб., 2009; *Simić D. Petrović M.* Dražesni KGB – javi se. Radio „Slobodna Jugoslavija“ iz Bukurešta izveštava. Beograd, 2009.

4 Журнал выходил с 1947 г. в Белграде под заголовком «За устойчивый мир, за народную демократию» и представлял собой орган Информационного бюро коммунистических партий. С 1948 г. изменил название на «За прочный мир, за народную демократию». После закрытия в Белграде продолжил издаваться в Бухаресте.

5 *Simić D. Petrović M.* Op. Cit. S. 7.

ба около 5.000⁶ эмигрантов-югославян, проживавших в Восточной Европе, представляла собой неудобную тему, которую мало кому хотелось затрагивать. Так эмигранты, исключенные из политического и медийного пространства, были осуждены на многолетнюю «невидимость».

Свой главный вклад в противостояние двух государств и партий югославские эмигранты внесли посредством шести газет, которые выходили в восточноевропейских странах и предназначались для нелегального распространения в Югославии. Совокупный месячный тираж этих изданий составлял 115–120.000 экземпляров, а если к ним прибавить и около 150 разных брошюр и листовок, то выходило около 160.000 экземпляров⁷. В самой КПЮ около 55.000 членов партии (около 12%) выступали против ее курса⁸. В то время партия насчитывала 468.175 членов и 51.612 кандидатов⁹. Таким образом, в 1948–1956 гг. эмигранты играли серьезную роль во взаимоотношениях двух стран.

Контекст формирования югославской политической эмиграции в СССР

Стечением обстоятельств среди югославских политических эмигрантов в Восточной Европе оказались некоторые из тех, кто вышел победителем из гражданской войны в Югославии и должен был влиться в ее правящую элиту. Переход конфликта между ВКП(б) и КПЮ в открытую форму для будничной политической жизни Югославии означал необходимость для каждого коммуниста и политически активного гражданина сделать выбор в пользу одной из противоборствующих сторон – Сталина или Тито, ВКП(б) или КПЮ, СССР или Югославии...

Политическими эмигрантами в СССР, прежде всего, стали граждане Югославии, которые на момент конфликта оказались вне ее границ и проигнорировали призыв вернуться, озвученный официальным Белградом. Там к ним присоединились те, кто, выразив несогласие с политикой политбюро КПЮ, принял на себя удар югос-

6 Цит. по: Москва и Восточная Европа... С. 353.

7 Там же. С. 367.

8 Там же. С. 214, 352–353.

9 Официальные данные, озвученные на V конгрессе КПЮ (21–28 июля 1948 г.). См.: Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 362.

лавского репрессивного аппарата (в его арсенале – аресты, преследования, убийства в концентрационных лагерях), но сумел, в конце концов, эмигрировать на Восток. Так за рубежом формировалась партийная оппозиция – просоветская фракция КПЮ¹⁰. В историографии ее членов стали называть коминформовцами, информбюровцами или ибеовцами.

Проблема послевоенного восстановления Югославии и характера власти в ней оговаривалась в соглашении, к которому пришли союзники относительно раздела сфер влияния в Восточной и Юго-восточной Европе¹¹. Только тоталитарная диктатура, проповедовавшая некую наднациональную идеологию, могла объединить в одном государстве озлобленные друг на друга югославянские народы, пережившие продолжительную и беспощадную гражданскую войну¹². Обстоятельства сложились так, что на месте нашелся только один лидер, которому оказалась по плечу эта непростая задача. А именно, Йосип Броз Тито, стоявший во главе собственной военно-политической организации. За подобное решение пришлось заплатить определенную общественную, политическую и экономическую цену. В течение первого послевоенного десятилетия социалистическая Югославия проделала удивительный путь от самого верного сателлита Советского союза до социалистической страны-изменницы, инкорпорированной в систему безопасности, построенную Западом¹³.

-
- 10 Об оппозиционных течениях и фракциях в КПЮ см.: *Banac I.* Op. Cit. S. 56–118; *Николић К.* Большевизација Комунистичке партије Југославије 1919–1929. Историјске последице. Београд, 1994. С. 125–132; *Miloradović G.* Ljudi na strateškim mestima: uzroci, posledice i smisao sukoba Josipa Broza Tita i Milovana Đilasa na Trećem (vanrednom) plenumu CK SKJ 1954. godine // *Tito – viđenja i tumačenja (zbornik radova)*. Београд, 2011. С. 199–231; *Гавриловић С.* Живојин Павловић и Биланс совјетског термидора: политичка биографија. Београд, 2011.
- 11 Факсимильная копия записки с предложением раздела Восточной Европы, которую Черчилль передал Сталину в Москве 9 октября 1944 г., опубликована в: *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996. III. (1946–1996)*. Београд, 1999. XII.
- 12 Тоталитарными режимы в СССР и Югославии считают следующие авторы: *Јовановић М.* Стаљинизам // *Историјски гласник*. 1993. № 1-2. С. 108–109; *Fire F.* Prošlost jedne iluzije. Komunizam u dvadesetom veku. Београд, 1996. С. 492–501; *Марковић П.* Београд између истока и запада 1948–1965. Београд, 1996. С. 493–513; *Allcock J.* Explaining Yugoslavia. London, 2000. P. 275; *Spehñjak K.* Javnost i propaganda. Narodna fronta u politici i kulturi Hrvatske 1945–1952. Zagreb, 2002. С. 15–50, 273; Москва и Восточная Европа... С. 3–26; *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 162–163, 168–170, 220.
- 13 О характере югославского социалистического режима в сопоставлении с советским образцом см.: *Јовановић М.* Стаљинизам... С. 103–119; *Брдар М.* Прак-

Югославская пропаганда вплоть до краха государства последовательно преподносила особое положение, в котором находился титовский режим, как оригинальное достижение КПЮ и плод мудрости ее руководства. На самом деле, оно было следствием негласной договоренности двух супердержав¹⁴.

Однако, если югославский режим был сталинистским по своему характеру, почему тогда произошло столкновение с идентичным советским режимом? Причины надлежит искать в области политики, а не идеологии. Переломным моментом, после которого разразился конфликт с СССР, стала предпринятая Тито попытка территориального расширения государства во всех направлениях: некоторым соседям (Италии, Австрии и Венгрии) он адресовал как территориальные претензии, так и другие предложения об изменении границ¹⁵; с остальными (Албанией, Болгарией, Румынией и Грецией) он пытался сформировать Балканскую федерацию, которая могла подорвать советскую гегемонию в Восточной Европе¹⁶. Распознав угрозу, Сталин принял решение об «ампутации» Югославии (заодно и Албании) – исключении ее из числа государств под контролем СССР. В 1953 г. Югославия присоединилась к Балканскому пакту, став «аномалией» Холодной войны – социалистическим государством, включенным в

сис одисеја. Студија настанка большевичког тоталитарног система 1917–1929. II. Београд, 2001. С. 599–611; *Јовановић М.* Пресликана или самобитна друштвена изградња: Компаративна анализа Устава ФНРЈ (1946) и 'Стаљинског' Устава СССР (1936) // *Tokovi istorije*. 2008. № 1–2. С. 280–289; *Милорадовић Г.* *Људи на strateškim mestima...*; *Милорадовић Г.* Лепота под надзором. Совјетски културни утицаји у Југославији 1945–1955. Београд, 2012. С. 31–49; *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 155–217.

14 *Јовановић М.* Срби и Руси... С. 169.

15 См.: *Petranović B.* *Istorija Jugoslavije 1918–1988. Socijalistička Jugoslavija 1945–1988.* III. Београд, 1988. С. 171–175, 250–251; *Petranović B.* *Srbija u Drugom svetskom ratu 1939–1945.* Београд, 1992. С. 698; *Понс С.* Сумерки Коминформа // *Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы.* М., 1998. С. 375, 382.

16 См.: *Đilas M.* *Vlast*, London, 1983. С. 119–121; *Губианский Л.* От первого ко второму совещанию Коминформа // *Совещания Коминформа...* С. 355, 359; „*Protokol o rešenjima istorijske konferencije delegacija vlada FNRJ i NR Bugarske, Bled, 30. i 31. jul i 1. avgust 1947.*“; „*Ugovor o prijateljstvu, saradnji i uzajamnoj pomoći između FNRJ i NR Bugarske, Evksinograd, 27. novembar 1947.* // *Balkanski ugovorni odnosi 1876–1996.* III. 1946–1996. С. 136–138, 141–143; *Ristović M.* *Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj (1945–1950)* // *Balkan posle Drugog svetskog rata. Zbornik radova sa naučnog skupa.* Београд, 1996. С. 71–85; Москва и Восточная Европа... С. 348–349; *Hadalin J.* *Boj za Albanijo. Propad jugoslovsanske širitve na Balkan.* Ljubljana, 2011.

западную систему безопасности¹⁷. В этом имелась своя логика, так как только коммунистическая диктатура могла поддерживать контроль над озлобленными друг на друга югославскими народами. Одновременно своими действиями в сфере политики и идеологии она угрожала целостности Восточного блока. Именно, потому что она была социалистическим государством! С другой стороны, она не представляла никакой опасности для НАТО и Запада. В такой политической обстановке появилась югославская политическая эмиграция в Советском союзе.

Политико-идеологический профиль югославских эмигрантов в СССР

Важнейшим архивным источником, освещающим феномен югославской политической эмиграции в Советском союзе в 1948-1956 гг., является справочник для внутреннего пользования Управления государственной безопасности (УГБ), составленный из биографий этих самых эмигрантов¹⁸. Книга возникла как необходимый инструмент реализации «Конвенции, заключенной ФНРЮ и СССР, об урегулировании вопроса статуса лиц с двойным гражданством» (подписана в Белграде 22 мая 1956 г.), а также «Инструкции по выполнению Конвенции с СССР о лицах с двойным гражданством», которую 8 августа 1956 г. издал Государственный секретариат внутренних дел Федеративной народной республики Югославия (ФНРЮ)¹⁹. Эти два документа циркулярно рассылались во все районные Народно-освободительные комитеты (НОК) и Республиканские секретариаты внутренних дел (РСВД). Справочник, в первую очередь, должен был помочь сориентироваться органам, ответственным за выполнение конвенции. Однако, судя по примечаниям, которыми позднее вно-

17 См.: *Jakovina T. Američki komunistički saveznik: Hrvati, Titova Jugoslavija i Sjedinjene američke države: 1945–1955.* Zagreb, 2003.

18 Архив Србије (АС. фонд Безбедносно-информативне агенције (БИА. збирка П-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Документ опубликован: Између две отаџбине: Југословенски политички емигранти у Совјетском Савезу 1948–1956. Документи Управе државне безбедности ФНР Југославије / пр. Г. Милорадовић, А. Тимофејевић. Београд, 2016. С. 73–290.

19 Оба документа хранятся в Архиве Србији (АС. фонд Безбедносно-информативна агенција (БИА. збирка III-98. Опубликованы под заголовками: „Конвенција о регулисању питања држављанства“ и „Упутство за спровођење конвенције“// Између две отаџбине... С. 45–55.

сились в справочник, он использовался и для других целей. А именно, для слежения за эмигрантами-информбюровцами. Материалы, положенные в его основу, собраны в ходе оперативной работы органов УДБ. Затем сведения были систематизированы и опубликованы в виде книги.

Обстоятельства появления конвенции освещены в записке Союзного министерства иностранных дел (СМИД) «Отношения между Югославией и СССР после переговоров в Белграде»²⁰, которая 26. IV 1956 г. была направлена председателю Сабора Хорватии Владимиру Бакаричу. Помимо прочего она гласит: «В сфере консульской службы происходит урегулирование прежнего ненормального состояния. Одобрена репатриация определенного числа наших граждан (в основном военнопленных из II мировой войны). С нашей стороны еще продолжается работа по разработке проекта текстов Конвенции по урегулированию статуса гражданства взаимных граждан с двойным гражданством, а также Конвенции об оказании правовой помощи в гражданских и уголовных делах, которые мы бы представили русским на рассмотрение в качестве нашего предложения. Русские до сих пор не демонстрируют ни готовность улучшить положение иностранных граждан в СССР, ни последовательность в вопросе лишения эмигрантов права на дальнейшее пребывание в СССР»²¹. Из этого следует, что конвенция была подписана по инициативе югославской стороны. Ее следует рассматривать в контексте предпринятых после смерти И.В. Сталина усилий по преодолению последствий советско-югославского конфликта и закладыванию новых оснований двусторонних отношений.

Из всего текста Конвенции о двойном гражданстве особый интерес представляют статьи, которые касаются не русских эмигрантов в Югославии или советских супругов югославов, а «лиц с двойным гражданством, которые живут в СССР, сохраняя гражданство ФНРЮ», то есть информбюровскую эмиграцию. Конвенция формально положила конец политической деятельности югославских эмигрантов в СССР, а при подготовке к ее подписанию был составлен их реестр. О связи справочника с конвенцией недвусмысленно свидетельствуют отдельные пункты инструкции по ее выполнению, ре-

---

20 Имеются в виду переговоры советского и югославского руководства, состоявшиеся 23 мая – 3 июня 1955 г. в Белграде.

21 Дипломатски архив (ДА. СМПП, Политичка архива (ПА. 1956, Ф-90, Пов. бр. 46337.

гламентирующие сбор информации о гражданстве и прочих сведений. А именно: «когда уехал из страны; каковы причины отъезда; уехал легально или нелегально; позиция – политическая деятельность и все прочее, что могло бы представлять интерес, особенно с точки зрения государственной безопасности»²².

Как чьи-то имена и фамилии попадали в тот список?

Процесс разделения на сторонников Тито и Сталина, охвативший КПЮ в 1948 г., распространился и на тех членов партии, которые находились за границей (имеются в виду дипломаты и те, кто проходил обучение в странах народной демократии). Позднее к ним присоединились и нелегальные эмигранты²³. Югославских слушателей советских учебных заведений охватили сомнения, замешательство и нерешительность, когда разразился кризис, и прозвучал призыв вернуться на родину. Большинство решило вернуться, однако некоторые в силу различных причин решили остаться в СССР. Наряду с личными мотивами – профессиональными и эмоциональными – на большую часть инфорбюровцев-эмигрантов повлияла убежденность, что в возникшем споре прав тот, кто располагал большим авторитетом в коммунистической иерархии – Сталин, а не Тито.

Согласно имеющимся сведениям, среди эмигрантов имелись и те, кто, не разделяя коммунистических взглядов, попал на обучение в СССР, оказавшись в свое время в Югославской армии и КПЮ в результате мобилизации или по оппортунистическим соображениям. Отдельные лица находились в составе различных формирований, участвовавших в гражданской войне, - чаще всего четнических или домобранских²⁴. Не исключено, что конфликт 1948 г. позволил некоторым из них выразить свое латентное неприятие новой власти в Югославии. Впрочем, не исключено, что те, кто снабжал составителей справочника такого рода сведениями, намеренно оговаривали эмигрантов, руководствуясь личной неприязнью или желанием продвигаться по карьерной лестнице. Часть информации позаимствована из «партийных характеристик», другая – от людей, находившихся в контакте с эмигрантами. Мотивы и способы сведения политических счетов, а также коллективно-психологические явления, сопутствовавшие расколу КПЮ в 1948 г., не могут быть абсолютно достовер-

22 „Упутство за спровођење конвенције“ // Између две отаџбине... С. 52.

23 *Mitrović M. Tri dokumenta o ibeovcima...* S. 33–39.

24 О переходе небольшого числа четников на сторону НОАЮ в июле 1944 г. см.: *Petranović B. Srbija u Drugom svetskom ratu.* S. 619–620.

но истолкованы на основании источников, возникших в обстановке повышенной эмоциональности и экзистенциального страха.

Те, кто в эмиграции выделялся политической активностью, становился объектом многочисленных и особо тяжких обвинений. Например, в конце 1949 г. загребская газета «*Vjesnik*» опубликовала материал, подкрепленный факсимильными изображениями и цитатами, в котором известный историк Иван Очак²⁵ представал франковцем (с 1935 г.) и издателем подпольной усташеской газеты «*Iskra*». В 1942 г. он, якобы, в качестве шпиона-лазутчика присоединился к партизанам, а в 1943 г. получил ранение, в результате которого ему ампутировали руку. «Пользуясь отсутствием должной бдительности, неосведомлённостью о его прежней деятельности и особым отношением, обусловленным его инвалидностью, Очак сумел пролезть на работу в отдел кадров Министерства транспорта»²⁶. Очак, после войны находившийся в Москве на лечении, остался в ней, когда разразился конфликт в связи с Информбюро. В ходе противостояния он посредством радиостанций восточноевропейских стран обличал руководство КПЮ за то, что во время войны оно сотрудничало с гестапо и усташами. Бывшие товарищи, оказавшиеся по разные стороны баррикад, использовали друг против друга схожий арсенал обвинений. Политического противника следовало не только осудить и изолировать, но и дискредитировать в моральном и политическом отношении. Этим наперед можно было обосновать любые действия, направленные на его наказание или уничтожение. Как известно в концентрационном лагере Голи-оток это делалось с особой изобретательностью²⁷.

Иногда у политико-идеологических расхождений имелись необычные причины. Когда в 1944 г. была провозглашена амнистия

---

25 В Москве в 1948–1953 гг. учился на историка, а затем работал как университетский преподаватель. См.: *Strecha M. Dr. Ivan Očak (1920–1994) // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Prosinac 1994. Vol. 27. № 1. S. 396.*

26 Ustaški lik informbirovskog 'heroja' Ivana Očaka // *Vjesnik HFH. 1949. 4. XII. S. 2-3.*

27 См.: *Marković D. Istina o Golom otoku; Tasić D. Leševi s Golog: [prvo dokumentarno kazivanje o Golom otoku]. Ljubljana, 1988; Nikolić M. Informbiro. 1–2. Zagreb, 1989; Marković D. Josip Broz i Goli otok. Beograd, 1990; Михаиловић Д. Голи оток. 1–5. Београд, 2016–2019; Stojanović M. Golotočka trilogija. I–III. Beograd, 1991, 1993, 1994; Ženski logor na Golom otoku: ispovesti kažnjеница i islednice / пр. D. Simić, B. Trifunović. Beograd, 1990; Nikčević T. Goli otoci Jova Kapičića. Podgorica, 2009; Jezernik B. Non cogito ergo sum: eseji o Golom otoku. Novi Sad, 2012; Информбиро и Југословенска (народна) армија: зборник докумената / пр. М. Терзић, М. Басара, Д. Тасић. Београд, 2015.*

четников и домобранов, некоторые использовали представившуюся возможность перейти на другую сторону. В телеграмме от 12 ноября 1944 г. Тито в ответ на советское предложение амнистировать представителей Югославской армии в отечестве написал Сталину и Молотову: «Ваш совет предоставить амнистию четникам Михайловича считаю политически очень важным и полезным не только для дальнейшего развития нашей страны, но и в международном плане. В связи с этим мы полагаем, что было бы очень полезно предоставить амнистию и хорватским домобранам»²⁸. Амнистию распространили и на словенских домобранов, в отличие от остальных пособников оккупантов. Не удивительно, что никто из тех, кто принял предложение, впоследствии не имел ни малейшего желания вспоминать об этой странице своей биографии. Эмигранты не исключение. Однако в период эскалации конфликта в связи с Информбюро их политическое и военное прошлое с готовностью эксплуатировала, преувеличивала и высмеивала в своих карикатурах югославская пресса, пытавшаяся в глазах читателей поставить на одну ступень просоветски настроенных югославских граждан и неприятеля, поверженного в минувшую войну²⁹.

Согласно сведениям УГБ, один эмигрант, про которого говорили, что он «бывший четник», во время обучения в СССР «уверял, что в Югославию он не вернется ни живым, ни мертвым, пока там правит Тито и его группа»³⁰. Другой «бывший четник», как полагали, «определился в пользу ИБ» и остался в Советском союзе, «потому что с самого начала был врагом новой Югославии»³¹. Про третьего эмигранта, который все время воевал на стороне партизан, запи-

---

28 См.: Телеграм председателя НКОЈ Ј.Б. Тита председнику СНК СССР Ј.В. Сталину и народном комесару за иностране послове СССР В.М. Молотову // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали. Београд, 1996. С. 613.

29 См. карикатуры: *Џумхур 3. Здраве снаге* // *Jeж*. 1949. 4. VI. С. 2; *Џумхур 3. Брод спасења* // *Jeж*. 1949. 13. VIII. С. 1; *Савић Д.* Педагошка поема // *Jeж*. 1949. 30. VIII. С. 1; *Reisinger O.* *Kako žive jugoslovenske 'zdrave snage'* u Bukureštu // *Kerempuh*. Oktobar 1949.

30 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Новака Мирковића, № 336.

31 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Милисав Величковића, № 563. Схожую мотивацију имел и Радомир Андрич, биографија № 612–613.

сано: «Национальное чувство у него было очень развито»³². Кроме того, определенное количество бывших домобранов, - колеблющихся, которые в какой-то момент все-таки перешли на сторону партизан, - позднее отказались возвращаться в Югославию с обучения в СССР³³. Наконец, в числе таковых оказались и три бывших усташа³⁴. Про одного из них – «закоренелого шовиниста» - писали, что «после прихода усташей он сразу присоединился к ним и стал главным организатором усташей в городе Билеча. В 1941 г. участвовал в массовом убийстве и захоронении сербов в Коритской яме, а также во всех других акциях усташей в той области»³⁵. Недовольство политической ситуацией в Югославии и оппозиционность по отношению к титовскому режиму были связаны как с национальной принадлежностью, так и с политическими убеждениями, что подтверждается тем фактом, что среди югославских эмигрантов в Восточной Европе имелось много представителей национальных меньшинств: 1.016 болгар из Югославии – чуть меньше, чем сербов (1.120) и в три с половиной раза больше, чем хорватов (320)! Эмигрантов из числа албанского меньшинства – 403, а венгров - 252³⁶.

Разумеется, у КПЮ имелись резоны, чтобы публично дискредитировать и клеветать на собственных политических противников - эмигрантов в СССР. Однако закономерен вопрос: почему сотрудники УГБ все это вносили в свои *внутренние* документы? Ответом отчасти может служить то обстоятельство, что в то время, когда произошел раскол в партии, взаимоотношения ее членов характеризовались высокой степенью эмоциональности. Поэтому эмигранты в глазах своих бывших товарищей превратились в олицетворение зла. Их биографии - отчасти сознательно, отчасти неосознанно – окрашивались нарочито темными тонами. В каждой из них по несколько раз используются эпитеты «враг» и «вражеский». Часто встречаются слова «предательство» и «клевета». Не исключено, что определенные

---

32 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Јована Продановића, № 427.

33 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Такие сведения имеются о: Ајдин Ајдиновић, № 3; Иван Арсец, № 17; Иван Брушевац, № 62; Ненад Малић, № 280; Андрија Полак, № 421; Салих Шкапуровић, № 520.

34 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Об этом упоминается в биографиях Златана Азиновича, № 20; Драгослава Имприча, № 175 и Рудо Капиджича, № 205.

35 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Рудо Капицић, № 205.

36 *Marković D. Istina o Golom otoku... S. 59.*

сведения дискредитирующего характера включались в документы по причине некритичного отношения к некоторым показаниям и доносам. Также возможно, что, по крайней мере, в некоторых случаях речь действительно шла о лицах, амнистированных в 1944 г. Сегодня уже не поддается установлению неопровержимая истина, похороненная под наслоениями обвинений, с помощью которых бывшие товарищи пытались очернить друг друга.

Однако, имелись и совершенно иные примеры. Некоторые лица оказались в СССР, будучи еще детьми. Поэтому тот факт, что они остались, не может считаться следствием их сознательного решения или политической позиции. Так, например, о Бранко Вуйовиче, рожденном в 1935 г., и отправленном в 1945 г. в СССР обучаться ремеслам, написано, что «после выхода Резолюции он требовал вернуть его на родину, но советские власти запретили ему это»³⁷. Некоторые отправились на учебу в СССР как сироты войны. Поэтому неясно, могли ли они вообще высказаться – хотят они остаться, или вернуться в Югославию. Там у них, впрочем, никого из родных не осталось³⁸

Другие югославские граждане, отправившись на обучение в Советский союз, впервые оказались вдалеке от семьи и родного края. В новой среде многие завязали романтические отношения, а затем вступили в брак. Считалось, что некоторые из них остались в СССР, поддавшись влиянию своих девушек и супругов. Ничуть не меньше подозрений вызывали и те, кто вернулся в Югославию со своими женами-иностранками. Милован Джилас записал в своих мемуарах: «"Русские супруги" наших офицеров и функционеров были разоблачены, почти без исключения, как советские шпионки»³⁹. С другой стороны, некоторые колеблющиеся остались в СССР, подпав под влияние своих однокурсников или, как было указано, «под влиянием остальных черногорцев»⁴⁰. Имеются сведения, согласно которым отдельные лица, особенно молодые, посчитали, что, оставшись в СССР, они скорее преуспеют в общественном и профессиональном плане. Так,

37 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Б. Вујовића, № 586.

38 Это были курсанты Суворовского училища в возрасте 9–12 лет. 91 из них отправили на обучение, а 63 высказались за то, чтобы остаться в СССР. Только в 1957 г. еще 60 из них вернулись в Югославию, а 3 остались. См.: *Marković D. Istina o Golom otoku... S. 52–53.*

39 *Đilas M.* Op. cit. S. 181.

40 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Славка Стојановића, № 494.

один эмигрант, ставший в СССР летчиком, писал родным, что «достиг своей цели». Другой решил остаться, «потому что в СССР лучшие условия для получения образования, а с Югославией его ничто не связывает»⁴¹.

Озабоченность югославских властей в связи с активностью политических эмигрантов была вызвана опасениями, что Советский союз может использовать некоторых из них для формирования альтернативного коммунистического правительства. Оно могло пригодиться в случае массовых волнений в Югославии или после вторжения сил стран народных демократий и свержения Тито. На возможность такого развития событий указывал тот факт, что, с разрешения СССР, председатель Координационного центра югославской политической эмиграции в Москве беглый генерал Югославской армии Перо Попиводе выступал на международных конференциях в качестве представителя Югославии. В 1952 г. эмигрантка Босилька Марьянович вместе с Попиводей приняла участие в прошедшем в Вене Конгрессе в защиту мира, на котором выступала с речью от имени женщин Югославии⁴². Кроме этих двух в Советском союзе имелись и другие эмигранты с амбициями, а особое подозрение вызывали бывшие министры и другие служащие министерств⁴³, дипломаты⁴⁴, старшие офицеры⁴⁵, сотрудники Отделения по защите народа (ОЗН-а – предтеча УГБ)⁴⁶. В одном из докладов УГБ, написанном в 1964 г., особое внимание сосредоточено на проблеме использования ибеовских эмигрантов иностранными разведками после

41 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Бранислав Дунић, № 122; Радомир Марић, № 290.

42 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Босилька Марјановић, № 294.

43 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Вељко Ђиковић, № 128; Радоња Голубовић, № 152–153; Исхак Лаличић, № 249; Бранка Спасојевић-Шабан № 505; Јован Шабан № 506; Лаза Трајковић 548; Мирчета Васиљевић № 562.

44 Побегу югославских дипломатов в СССР зафиксированы в дипломатических и торговых представительствах в Тегеране, Александрии, Каире, Осло, Бухаресте и Оттаве. См.: АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Никола Бошковић, № 50; Радоња Голубовић, № 152–153; Момчило Јешић, № 189; Исхак Лаличић, № 249; Миле Остојић, № 379; Бранка Спасојевић-Шабан, № 505; Јован Шабан, № 506; Бранко Вукелић, № 588.

45 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографија Пере Попиводе, № 422–423.

46 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у. Биографије: Љубомир Кариња, № 206; Шахим Шахинпашић, № 508; Мевлида Шерић, № 508; Мате Урличић, № 554; Станимир Вучковић, № 581.

нормализации отношений Югославии и СССР, а также на проблеме вернувшихся в Югославию эмигрантов (с точки зрения безопасности) и их реабилитации (их социальная адаптация нейтрализовала бы их как оппозиционный политический фактор)⁴⁷.

По тем же причинам, то есть с целью предотвращения формирования альтернативного правительства Югославии, в лагере Голи-оток в 1950-1954 гг. функционировала так называемая Петрова нора⁴⁸ – место с наиболее тяжелыми условиями труда. Оно предназначалось исключительно для бывших видных руководителей, некоторые из которых имели советское гражданство. Степень бесчеловечности, с которой там относились к заключенным, была пропорциональна страху, который испытывали руководители КПЮ в то время⁴⁹. Они хорошо представляли, что их ожидает в случае потери власти⁵⁰. Поэтому УГБ продолжила отслеживать деятельность и перемещения политических эмигрантов и после 1955 г. И поэтому в их справочнике рядом с отдельными именами стоят рукописные пометы: «верн[увшийся]», «умер», «приезжает», «прибыл», «умер в 1966 году», «умер в 1973 г.», «II 1969», «в 1982 г. посетил Ж[елезнодорожно]-Т[ранспортную] О[рганизацию] Белграда» и т.п. Это значит, что за деятельностью этих лиц следили, практически, до развала Югославии.

Статистический обзор югославской эмиграции в СССР

Неполность, несистематизированность и недостаточная достоверность сведений, содержащихся в документах, требует осмотрительности при вынесении окончательных суждений. Прежде всего,

---

47 См. доклад: Emigracija u socijalističkim zemljama i povratnici – bivše pristalice rezolucije IB // *Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima... S. 82–98.

48 Место названо «в честь» Петра Комненича – бывшего председателя скупщины Черногории, который оказался там в числе первой группы заключенных лагеря. Петрова нора также именовалась «Объект Р-101» и «Монастырь». *Marković D.* Istina o Golom otoku... S. 113; *Радвољина И.* Дугачко писмо које није стигло до примаоца. Сремски Карловци; Нови Сад, 2011. С. 265–293.

49 Об обращении с заключенными лагеря см.: *Mihailović D.* Goli otok na tragu Gulaga i holokausta // *Jugoslovenko-sovjetski sukob 1948. godine* (zbornik radova sa naučnog skupa). Beograd, 1999. S. 236–238.

50 Когда в 1954 г. из-за конфликта с Тито Милована Джиласа отлучили от власти, его с супругой Штефицей охватил такой страх перед «невиданными и невыслымыми застенками» на Голом отоке, что они размышляли о том, чтобы совершить двойное самоубийство. См.: *Dilas M.* Op. cit. S. 271–272.

следует иметь в виду, что несмотря на предпринятые дополнения и проверки, существует вероятность, что список югославских информбюровских эмигрантов в Советском союзе не полон. Это означает, что цифры и проценты, которые мы приводим далее, представляют собой лишь нижнюю границу представленности некоторых категорий рассматриваемой группы (эмигрантов в СССР) в общей массе эмигрантов. В некоторых категориях их могло быть и больше, что в определенной, хотя и не в решающей мере, изменило бы соотношение ранее установленных фактов и, следовательно, итоговую картину. Тем не менее, и на основании имеющихся сведений представляется возможным что-то узнать или хотя бы сделать обоснованное предположение в связи с информбюровской эмиграцией.

Югославские эмигранты в Советском союзе были в основном мужчины. Из 628 – только 13 женщин. В момент публикации резолюции Информбюро в 1948 г. 66 человек из них были несовершеннолетними (18 лет и меньше). При этом достоверно известно, что 50-ти из них было 16 лет или меньше. Четверым младшим - по 10 лет. Только о 28 информбюровцах-эмигрантах известно, что им в 1948 г. было больше 30 лет, а старше 50 лет выявлено только 11 человек. Самому старшему исполнилось 56 лет. Следовательно, в 1948 г. это были в основном очень молодые люди. 95,55% было моложе 30 лет.

Доподлинно известно, что среди эмигрантов имелось как минимум 407 офицеров и солдат, которых резолюция Информбюро застала во время обучения в СССР. Это число охватывает и детей – так называемых суворовцев. Только о 40 эмигрантах есть сведения, что они посещали в СССР гражданские учебные заведения. К тем, кто в 1948 г. находился в Советском союзе на обучении, следует прибавить тех, кто перебежал туда или из Югославии, или из разных консульско-дипломатических и торговых представительств. Установлено, что шестеро из них находились на военной службе, 14 – на дипломатической, а 27 имели гражданские профессии. Согласно информации УГБ, 165 эмигрантов в СССР вступили в брак с советскими гражданами и гражданками. Со временем это число, безусловно, увеличивалось, если принять во внимание молодость и относительное материальное благополучие офицеров в СССР, а также нехватку мужчин репродуктивного возраста в стране после Второй мировой войны. Только о 113 лицах (17,96%) есть сведения, что они вернулись на родину. Одни решились вернуться после амнистии 1957 г., другие – после выхода на пенсию в 1960-е. Третьи – аж после распада СССР в

1990-е гг. Можно сделать вывод, что после амнистии в СССР в основном остались военнослужащие. Обзаведясь семьями, они прожили в России всю жизнь.

Относительно территориального происхождения имеется следующая статистика: из Сербии с Воеводиной и Косово и Метохией – 235 человек (206 сербов, 4 черногорца, 3 хорвата, 2 словенца, 1 болгарин и 1 венгр, а также 18 лиц, национальность которых в источниках не указана); из Хорватии – 131 человек (69 хорватов, 48 сербов, 2 русских, 1 еврей, 1 чех и 10 человек без определенной национальности); из Боснии и Герцеговины – 91 человек (54 серба, 6 хорватов, 6 мусульман⁵¹, 1 чех, 1 еврей и 23 человека без определенной национальности); из Черногории – 75 человек (57 черногорцев, 1 хорват, 1 серб и 16 человек без определенной национальности); из Македонии – 36 человек (31 македонец, 1 албанец, 3 серба и 1 человек без определенной национальности); из Словении – 26 (23 словенца и 3 человека без определенной национальности). Как минимум три эмигранта родились *за пределами Югославии*. Невозможно установить, в какой республике родились 30 человек, к которым относятся, в основном те, чьи имена либо добавлены в список в начале справочника, либо упоминаются в биографиях других людей, либо установлены позднее.

Об отдельных лицах неизвестно, в какой республике они родились, однако удалось установить их национальность. Согласно доступным сведениям, из 628 (100%) идентифицированных лиц было, как минимум, 314 (50,00%) сербов; 80 хорватов (12,74%); 61 черногорец (9,71%); 34 македонца (5,41%); 25 словенцев (3,98%); 6 мусульман (0,96%); 2 еврея; 2 русских; 2 чеха; 1 албанец; 1 болгарин; 1 венгр и 99 (15,76%) лиц, национальность которых не определена. Судя по фамилиям, их собственным именам и именам родителей, можно предположить, какие две национальные группы были наиболее многочисленными среди «неустановленных». Сербы – около 65 человек (10,35% от совокупного числа) и мусульмане – около 15 (2,39%).

---

51 В то время бошняки/мусульмане не выделялись в отдельную нацию. Так как нет данных о том, сами ли они определили свою национальную принадлежность, или за них это сделало УГБ, следует указать, что наряду с упомянутыми шестью лицами, в Боснии и Герцеговине также родились Асим Арнаутович, Шахим Шахинпашич, который в документе определены как сербы, а также Салем Латифич – хорват. В Черногории родились Исо Османович и Исхак Лалич, которые определены как черногорцы.

Некоторые выводы общего характера об ИБ-эмиграции в СССР можно сделать, если сопоставить имеющиеся у нас данные с теми, которые приводит в своей книге Драган Маркович. Он указывает, что в эмиграции в восточноевропейских странах оказалось 4.928 югославских граждан – как тех, кого резолюция застала за границей, так и тех, кто покинул страну после нее. На основании Закона об амнистии в Югославию вернулись 1.336 человек; умерли или исчезли 179; а продолжили жить за границей 3.413 человек. Считается также, что из совокупного числа около 1000 и до 1948 г. проживали на Востоке, около 1.500 выехали на обучение и по служебной надобности, а после публикации Резолюции Информбюро около 2.4000 человек эмигрировали различными способами. Что касается социального происхождения и профессиональной принадлежности, большинство в совокупной массе эмигрантов составляли крестьяне – 905; за ними следовали военнослужащие – 791; студенты – 503; рабочие – 454; представители интеллигенции – 271; школьники – 247 и проч. По национальному составу: сербы - 1.120; болгары – 1.016; албанцы – 403; хорваты – 320; черногорцы – 296; венгры – 252; македонцы – 222; словенцы – 101. Хотя приведенные данные нельзя считать ни полными, ни в какой-то мере до сих пор подтвержденными, они, тем не менее, позволяют как-то ориентироваться и сравнивать общую картину с той, что складывается на основе сведений об эмигрантах в Советском союзе⁵².

Те, кто отправился в СССР, составили всего 12,78% совокупного числа югославских эмигрантов в восточноевропейских странах. При этом советская диаспора заметно выделялась из общей картины. Прежде всего, в СССР преобладали военнослужащие, а именно 408 человек – более половины всех военных лиц, эмигрировавших из Югославии в связи с Резолюцией Информбюро (всего 791, согласно Д. Марковичу). Среди них сербы и черногорцы составляли убедительное большинство – 59,71% всех, чья национальность подтверждена (а вместе с «неустановленными» - 70,06%!). С другой стороны, к национальным меньшинствам относились лишь 1,43% эмигрантов-военнослужащих в СССР, а в совокупной массе всех эмигрантов в Восточной Европе нацмены составляли более 1/3. Эмигранты в СССР от остальных отличались и заметно меньшим количеством вернув-

---

52 *Marković D.* Istina o Golom otoku... S. 56, 59. Те же сведения указаны в докладе: *Emigracija u socijalističkim zemljama i povratnici // Mitrović M.* Tri dokumenta o ibeovcima... S. 82.

шихся на родину – всего 17,96%. В совокупной массе югославских эмигрантов в Восточной Европе возвращенцы составили 27,11%⁵³.

* * *

Югославская политическая эмиграция в СССР сформировалась в специфических условиях перемены внешнеполитического курса, предпринятого КПЮ. Всем ее членам пришлось сделать выбор между своим малым отечеством и «отечеством всех пролетариев» - СССР. Выбор в пользу одного из них подразумевал неизбежное расставание с другим. В этом состоял трагизм ситуации, в которой оказались югославские коммунисты. К мотивам, которыми они руководствовались, принимая решение, относились преданность высшему авторитету, идеализм, влияние окружения, личные пристрастия и интересы. Пик политической значимости эмигрантов, а также их присутствия в общественной жизни пришелся на период с 1948 г. по 1956 г. Отведенная им политическая роль стала невостребованной и, более того, невозможной в результате улучшения отношений между Югославией и СССР. На протяжении последовавших десятилетий судьба этих 628 (как минимум) человек не попадала в поле зрения общественности их родного государства. Заинтересованность в ней проявляли лишь две компартии, консульские службы и органы безопасности. Эмигрантская диаспора в СССР выделялась на фоне 5.000 югославских политических эмигрантов, проживавших в странах народной демократии. В ней преобладали офицеры, в большинстве своем моложе 30 лет, в основном сербы и черногорцы по национальности.

---

53 АС, БИА, II-109, Подаци за ИБ емиграцију у СССР-у; *Marković D. Istina o Golom otoku...* S. 56, 59.

Goran Miloradovich, Ph.D.,
Institute for the contemporary history

Yugoslavian political emigration in the Soviet Union in 1948-1956

Abstract: The article deals with the phenomenon of the Yugoslavian political emigration in the Soviet Union during the Cominform dispute in 1948. The topic is under-researched because both Yugoslavia and the USSR after the improvement of the relations in 1955-1956 had no interest in the public discussion of the problem. There were at least 628 Yugoslav emigrants in the USSR, mostly military personnel, mainly ethnic Serbs or Montenegrins. Among them were a few former diplomats, party and state officials. They were mostly very young people, even underage - “the suvorov’s”. The majority of the political émigrés in the USSR have never returned to Yugoslavia.

Key words: political émigrés, Soviet-Yugoslav connections, Cominform Resolution, communist ideology, nationalism.